**БАРДАЛЬ
Анна
Борисовна**

Кандидат экономических наук, заведующая сектором
Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**BARDAL
Anna
Borisovna**

Ph.D. in economics,
head of sector

Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

bardal@ecrin.ru

© Бардаль А.Б.,
Демьяненко А.Н.,
Дёмина О.В.,
Дёмина Я.В.,
Ломакина Н.В.,
Минакир П.А., 2018

УДК 339.9

К ВОПРОСУ О ТРЁХСТОРОННЕМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ, КНДР И РОССИИ

Без адекватных финансово-экономических усилий сами по себе политические жесты, как и военные угрозы, вряд ли будут способствовать длительному закреплению военно-политического равновесия на Корейском полуострове. Необходимо сконструировать ситуацию баланса долговременных интересов, которыми могут быть только инвестиционно-экономические интересы КНДР. В статье рассматриваются принципиальные возможности формирования на трёхсторонней основе инвестиционных проектов, рассчитанных на получение взаимной выгоды и закрепление на этой основе обязательств по сотрудничеству России, Республики Корея и КНДР.

Инвестиции, проекты, трёхстороннее сотрудничество, внешняя торговля, баланс интересов, КНДР, Республика Корея, Россия

ABOUT THE TRILATERAL ECONOMIC COOPERATION OF REPUBLIC OF KOREA, DPRK, AND RUSSIA

Without adequate financial and economic efforts, political gestures, like military threats, are unlikely to contribute to the long-term consolidation of the military-political equilibrium on the Korean peninsula. It is necessary to construct a situation for the balance of long-term interests, which can only be the investment and economic interests of the DPRK. The article examines the principal opportunities for the formation, on a trilateral basis, of investment projects designed to obtain mutual benefits and to consolidate on this basis the commitments on cooperation between Russia, the Republic of Korea and the DPRK.

Investments, projects, trilateral cooperation, foreign trade, balance of interests, DPRK, Republic of Korea, Russia

Работа выполнена в рамках Комплексной программы фундаментальных научных исследований ДВО РАН «Дальний Восток», проект 18-5-053 «Безопасность и устойчивость развития экономики Дальнего Востока в условиях интенсификации интеграционных процессов в АТР».

**ДЕМЬЯНЕНКО
Александр
Николаевич**

Доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**DEMYANENKO
Alexander
Nikolaevich**

Doctor of geography,
professor, chief researcher

Economic Research
Institute FEB RAS, 153,
Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

demyanenko@ecrin.ru

Введение

Возможности трёхстороннего сотрудничества между Россией, КНДР и Республикой Корея опираются как на геостратегические, так и исторические условия. Корейский полуостров имеет сухопутную границу только с двумя странами – Россией и Китаем. Эта граница проходит на севере полуострова, и она во многом определила геостратегическое размежевание Севера и Юга Кореи в политическом и экономическом взаимодействии с внешним миром.

Республика Корея оказалась отрезана от северной сухопутной границы и ориентировалась почти исключительно (особенно до начала 1990-х гг.) на взаимодействия с рыночными экономиками посредством морских коммуникаций, ориентируя на западную идеологическую модель также свою политическую и гуманитарную стратегию. КНДР опиралась в своём развитии на сходство идеологий, политическую близость и географическое соседство с СССР и Китаем, приняв на вооружение модель централизованного экономического и авторитарного политического устройства в чрезвычайно радикальной форме «опоры на собственные силы». Раскол между Севером и Югом Кореи углубился в результате различных векторов экономической интеграции и приобрёл черты антагонизма после корейской войны 1950-х гг.

Экономическая модель начала меняться в КНДР уже в 1980-х гг., причём скорее следуя не советскому, а китайскому варианту модернизации. Раньше и решительнее, чем в СССР, Северная Корея начала развивать совместные предприятия, опираясь, как и КНР, в значительной степени на соотечественников за рубежом, особенно в Японии и Южной Корее. Однако по политическим и военным причинам пойти на такое же открытие экономики, как и КНР, Северная Корея не могла, да и ресурсами, подобными китайским, она не располагала. Однако определённые внутренние предпосылки экономического и институционального характера для потенциального увеличения уровня и интенсивности экономического сотрудничества были всё же созданы.

Российско-северокорейское экономическое сотрудничество как основа трёхсторонних проектов

Политической основой двустороннего экономического сотрудничества СССР и КНДР являлись два основополагающих документа: Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве от 17 марта 1949 г. и Договор о

**ДЁМИНА
Ольга
Валерьевна**

Кандидат экономических наук, заведующая сектором
Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**DYOMINA
Olga
Valeryevna**

Ph.D. in economics,
head of sector
Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

demina@ecrin.ru

торговле и мореплавании от 19 ноября 1960 г., по которому был установлен режим наибольшего благоприятствования для взаимной торговли. До 1980-х гг. СССР являлся основным политическим, экономическим и военным спонсором и партнёром КНДР. Как в СССР и в Китае, в КНДР в 1980-х гг., при неизменности политической системы, начался неафишируемый для внешнего мира, но интенсивный процесс экономической модернизации.

В 1990-х гг. произошёл окончательный разворот КНДР от России к Китаю и в экономической, и в политической ориентации. Основными причинами являлись, во-первых, значительно более успешная китайская модель экономической трансформации и, во-вторых, политическая капитуляция России перед «атлантическим блоком», что в первую очередь проявилось в разрушении сложившихся после второй мировой войны политических, военных и экономическим альянсов в Восточной Европе и на Дальнем Востоке.

Ситуация начала несколько меняться только после 2000 г., когда состоялся визит президента РФ В. Путина в Пхеньян. В ходе этого визита были достигнуты принципиальные договорённости об активизации политических контактов и выработке мер по восстановлению экономического сотрудничества.

В последние годы были подписаны межправительственные соглашения о воздушном сообщении, о культурном сотрудничестве, о поощрении и взаимной защите капиталовложений, об избегании двойного налогообложения, о взаимных поездках граждан, об экономическом и техническом сотрудничестве, о сотрудничестве в лесной отрасли, в таможенных делах, в сфере борьбы с преступностью и охраны правопорядка, в области использования спутниковых навигационных систем.

Знаком усиления взаимопонимания в политической сфере стало признание со стороны КНДР в 2014 г. вхождения Крыма в состав России. В мае 2014 г. были подписаны соглашение о переходе на рубли в расчётах между КНДР и Россией и соглашение о списании всех корейских долгов перед Россией, в соответствии с которым к сложившемуся в пользу России сальдо взаимных обязательств (более 11 млрд долларов США) применяется скидка в размере 90%. Остаток долга – 1,09 млрд долларов – будет погашаться в течение 20 лет 40 равными полугодовыми платежами путём зачисления на беспроцентный счёт, открываемый Внешэкономбанком в Банке внешней торговли КНДР.

В марте 2018 г. между КНДР и Россией был подписан протокол о сотрудничестве в сфере образования, науки и транспорта [20] и начался процесс рассмотрения возможно-

**ДЁМИНА
Яна
Валерьевна**

Кандидат экономических наук, научный сотрудник
Института экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**DYOMINA
Yana
Valeryevna**

Ph.D. in economics,
research fellow
Economic Research
Institute FEB RAS, 153,
Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

yandemi@yandex.com

сти упрощения визового режима при посещении гражданами РФ КНДР [7].

В апреле 2018 г. министр иностранных дел КНДР Ли Ён Хо провёл в Москве встречу с министром иностранных дел РФ С. Лавровым, а в июне 2018 г. С. Лавров посетил Пхеньян и встретился с Ким Чен Ыном. В ходе этих визитов был подтверждён курс на развитие двусторонних отношений в интересах обеих стран. Кроме того, северокорейский лидер Ким Чен Ын выразил намерение встретиться с президентом России.

Масштаб торгово-экономического сотрудничества всегда был относительно небольшим в связи со слабостью экономического потенциала КНДР. Однако для КНДР экономическое сотрудничество с СССР имело чрезвычайно важное значение. В 1990 г. доля торгового оборота с СССР в общем обороте внешней торговли КНДР составляла 53% (2,2 млрд долларов США, из которых 600 млн долларов приходилось на Россию). Этому в значительной степени способствовало то, что в отличие от торговли с другими странами КНДР имела возможность рассчитываться за поставки своей продукции товарами собственного производства, хотя с другими торговыми партнёрами КНДР рассчитывалась твёрдой валютой.

После 1992 г., когда российская внешняя торговля была либерализована и децентрализована, традиционные патерналистские схемы сотрудничества были разрушены. В результате объём торговли уменьшился в разы: к 1995 г. российско-северокорейский товарооборот составил 83, в 2012 г. – только 81 млн долларов [11]. К 2015 г., несмотря на урегулирование в 2014 г. проблемы северокорейского долга, взаимный товарооборот составлял всего 84 млн долларов США [16, с. 62]. Последовавшее затем снижение цен на углеводороды, а также развернувшийся в России экономический кризис обусловили дальнейшее сокращение масштабов взаимной торговли: товарооборот в 2017 г. сократился до 78 млн долларов США. Позиция ведущего торгового партнёра КНДР перешла от СССР к Китаю, доля которого в товарообороте КНДР составляет около 90%, а доля России сократилась до 1,5%. При этом постоянно накапливается торговый дефицит КНДР во взаимной торговле с РФ. Отрицательное сальдо торгового баланса КНДР в торговле с Россией составило в 2010–2015 гг. более 400 млн долларов, увеличившись в 2016–2017 гг. ещё почти на 130 млн долларов¹.

Доля Дальнего Востока России в российско-североко-

¹ <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2018-02/torgovlya-mezhdu-rossiyey-i-kndr-severnoy-koreey-v-2017-g/>

ЛОМАКИНА
Наталья
Валентиновна

Доктор экономических наук,
заведующая сектором

Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

LOMAKINA
Natalia
Valentinovna

Doctor of economics,
head of sector

Economic Research
Institute FEB RAS, 153,
Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

lomakina@ecrin.ru

рейской торговле в 2015 г. составляла 14%, в основном благодаря торговой активности Приморского края, на который приходится около 80% товарооборота между КНДР и российским Дальним Востоком. С Дальнего Востока в КНДР поставляются рыбопродукция, минеральные топлива, продовольствие, древесина, некоторые промышленные товары.

В области производственно-технического и инвестиционного сотрудничества между двумя странами до 1991 г. наиболее значимым являлся «лесной проект», который осуществлялся на территории советского Дальнего Востока, где фактически на правах экстерриториальности размещались северокорейские лесозаготовительные предприятия, одну часть заготовленного круглого леса передававшие советским экспортным организациям в уплату за аренду лесов, а другую отправлявшие в КНДР. Фактически целью этого проекта являлось использование дешёвой северокорейской рабочей силы для заготовки экспортной древесины и поставок в саму КНДР.

После 1991 г. сотрудничество в области трудовой миграции продолжилось, так как КНДР по-прежнему нуждается в получении валюты в обмен на трудовые ресурсы. В 1990-е гг. привлечение северокорейских рабочих осуществлялось достаточно хаотично отдельными российскими фирмами и предпринимателями. После 2004 г. на российском Дальнем Востоке была зарегистрирована целая сеть мелких северокорейских фирм в сфере лесозаготовок, строительства и сельского хозяйства, которые привлекали для своей деятельности северокорейских рабочих. В 2017 г. в России работало около 40 тысяч северокорейских рабочих, преимущественно на Дальнем Востоке. Это имеет большое значение для КНДР, бюджет которой ежегодно получает несколько сот миллионов долларов¹. Однако уже в 2018 г. количество северокорейских трудовых мигрантов в России может сократиться вдвое [17], поскольку резолюцией Совета Безопасности ООН введены санкции, запрещающие странам-участницам ООН привлекать к трудовой деятельности рабочих, являющихся гражданами КНДР.

С зарегистрированными в России фирмами, осуществляющими привлечение северокорейских рабочих на российский рынок, связаны и небольшие по размерам инвестиции, поступающие из КНДР, не превышающие в последние 3–4 года 8 млн долларов в год.

Менее известным, но значительно более значимым для развития КНДР являлось в 1950-х гг. сотрудничество в ядерной сфере, одним из результатов которого стало создание в

¹ <https://regnum.ru/news/23774/html>

**МИНАКИР
Павел
Александрович**

Академик, профессор,
доктор экономических наук,
научный руководитель
Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**MINAKIR
Pavel
Aleksandrovich**

Academician, professor,
doctor of economics,
scientific director
Economic Research
Institute FEB RAS, 153,
Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

minakir@ecrin.ru

КНДР ядерного реактора. Правда, каких-либо существенных инвестиционных проектов по развитию экономики КНДР (как это было в 1950-х гг. в Китае) СССР не осуществлял. Тем не менее, СССР поддерживал тесные производственно-технические связи с предприятиями КНДР, что помогало им существовать в условиях узкого внутреннего рынка и внешней экономической блокады.

После перевода производственно-технических связей на коммерческую основу место СССР в производственно-технической поддержке КНДР занял Китай. К 2004 г. производственно-техническое сотрудничество было восстановлено, правда, в гораздо меньшем объёме.

К моменту введения санкций Совбеза ООН в фазе реализации находился лишь один по настоящему крупный инфраструктурный двухсторонний проект – «Хасан – Раджин»¹. Идея проекта – реализация первого этапа соединения железных дорог севера и юга Корейского полуострова, то есть воссоздание Транскорейской железной дороги и создание наземных транспортных маршрутов для Южной Кореи (при выходе Транскорейской магистрали на Транссиб). В 2008 г. специально для этого проекта было создано совместное предприятие «РасонКонТранс» (РФ и КНДР). Предприятие было зарегистрировано в особой экономической зоне КНДР «Расон» на срок 49 лет со следующим распределением долей в уставном капитале: 67% – у российской стороны, 33% – у северокорейской. Российская сторона внесла инвестиции (вложено порядка 10,6 млрд рублей), северокорейская – имущественные права на порт Раджин (права на использование 20,1 га территории порта, включая причал, на котором планировалось строительство контейнерного терминала, и припортовую железнодорожную станцию).

В 2008 г. СП «РасонКонТранс» и «Железнодорожно-транспортная компания Тонхэ» Министерства железных дорог КНДР подписали договор аренды железнодорожной инфраструктуры на участке Туманган – Раджин сроком на 49 лет.

Реальные действия по воплощению проекта «Хасан – Раджин» начались в конце 2008 г. На северокорейской стороне была проведена капитальная модернизация участка железной дороги Хасан – Раджин (в том числе реконструкция 10 железнодорожных станций, 3 тоннелей и 18 мостов)². Пропускная способность железнодорожного участка Туманган – Раджин в настоящее время составляет до 12 пар поездов в сутки, провозная способность – до 4 млн т грузов.

¹ Об этом проекте см. [3; 14; 15].

² Также были выполнены работы по модернизации прилегающих участков железной дороги с российской стороны (Барановский – Хасан).

В порту Раджин развивались мощности по перевалке контейнеров для создания возможности дальнейшего транзита. Был построен универсальный перегрузочный терминал, а также проведены работы по дноуглублению (до 13,5 м с возможностью принимать суда типа «Panamax»), строительству новой причальной стенки (480 м), оборудованию складских площадок, строительству производственных и служебных зданий и сооружений, укладке внутртерминальных железнодорожных путей. Мощность терминала по проекту составляет 100 тыс. ДФЭ в год. Терминал в морском порту открылся в июле 2014 г. Из порта Раджин грузы направлялись в Китай и Южную Корею в адрес компаний POSCO, Hyundai Merchant Marine и Korail Corp.

В рамках этого проекта в 2017 г. российская дочерняя компания ОАО «РЖД» ТрансТелеКом провела оптико-волоконный интернет-канал в КНДР [21], обеспечив вторую точку подключения КНДР к всемирной сети (в дополнение к соединению через китайскую госкомпанию China United Network Communications Ltd.).

Перспективы и проблемы трёхстороннего экономического сотрудничества

Официально объявленной стратегией России по формированию трёхстороннего формата экономического сотрудничества на Корейском полуострове является ориентация на три крупных проекта: а) соединение Транссибирской магистрали и Транскорейской железной дороги; б) прокладка газопровода из России в Республику Корея через территорию КНДР; в) экспорт российской электроэнергии на Корейский полуостров. Обсуждение этих инициатив является неотъемлемой частью любых значимых переговоров между официальными лицами РФ и КНДР, РФ и Республики Корея [12].

Если рассматривать ситуацию в более широком контексте, то реальные перспективы развития трёхстороннего сотрудничества связаны со следующими моментами:

- 1) наличие взаимодополняющих ресурсов в трёх странах (природные ресурсы и отдельные технологии в России, дешёвая рабочая сила и некоторые виды минерального сырья в КНДР, технологии и финансовые ресурсы в Республике Корея);
- 2) заинтересованность всех трёх стран в укреплении экономической основы политического сотрудничества;
- 3) безальтернативность усиления экономической зависимости КНДР от России и Республики Корея как инструмент военно-политического сдерживания потенциальной агрессии;
- 4) наличие в КНДР и России начальных институциональных условий для инвестиционного и торгового сотрудничества;
- 5) определённая «усталость» КНДР от необходимости единолично поддерживать экономику КНДР.

В то же время нельзя не отметить, что существуют и препятствия на пути трёхстороннего сотрудничества:

- 1) наличие долговременных и масштабных интересов китайских фирм в КНДР;
- 2) потенциальная конкуренция по стороны Китая таким масштабным проектам, как газификация, электрификация и соединение Транскорейской железной дороги с Транссибом;
- 3) отсутствие широкой международной поддержки проектов трёхстороннего сотрудничества, учитывая, что и Россия, и КНДР находятся под жёстким прессингом международных политических и финансовых институтов и объединений;
- 4) негармоничность целей России и Республики Корея с точки зрения мотивации сотруд-

ничества с КНДР: для РФ основной задачей является поддержание крупных коммерческих компаний и госкорпораций в продвижении на корейские рынки, а для Республики Корея – продвижение в направлении экономической интеграции, гарантирующей военно-политическую стабильность на полуострове и поддержание уровня жизни северокорейского населения.

В целом можно сказать, что потенциально существует определённый баланс вероятности успеха и неудачи в формировании реального пакета трёхстороннего сотрудничества. Реализация положительных и нейтрализация негативных условий такого сотрудничества будут полностью определяться степенью доверия сторон и их готовностью координировать свои действия с четвёртой стороной, которой в данном случае является Китай.

Инфраструктурные проекты

Транспорт. Транспортное сотрудничество между российским Дальним Востоком и КНДР поддерживается в настоящее время в форме железнодорожного, морского паромного и авиасообщения. Железнодорожное пассажирское сообщение представлено двумя поездами (Уссурийск – Туманган и Пхеньян–Туманган), в состав которых включаются беспересадочные вагоны ОАО «РЖД» и Корейских государственных железных дорог. Поезда пересекают границу по железнодорожному мосту через реку Туманная («мост Дружбы»), построенному в 1959 г. Этот мост позволяет также обеспечивать грузовые перевозки в размере до 5 млн т в год [2]. Морское грузопассажирское паромное сообщение по линии «порт Раджин – порт Владивосток» было открыто в 2017 г. на базе судна «ManGyongBong» вместимостью 193 пассажира и 1 500 т груза, в том числе 24 контейнеров ДФЭ¹. Однако в 2018 г. рейсы были прекращены из-за санкций СБ ООН [3].

При условии интенсификации сотрудничества эти транспортные возможности могут послужить основой для наращивания мощности и формирования современной транспортной сети, обеспечивающей интенсивные экономические и гуманитарные обмены в четырёхугольнике КНДР – Республика Корея – российский Дальний Восток – северо-восточные провинции КНР.

В области железнодорожного транспорта подключение Республики Корея и КНР к проекту «Хасан – Раджин» может позволить развить железнодорожные сети для снятия ограничения наземных транспортных сообщений Республики Корея и налаживания альтернативных маршрутов транспортных взаимодействий стран Корейского полуострова: Москва – Хабаровск – Владивосток – Хасан – Раджин – Сеул – Пусан; Пусан – Сеул – Пхеньян – Харбин – Забайкальск – Москва [11]. По этим маршрутам может быть организовано раздельное движение скоростных пассажирских и грузовых поездов. Совместное создание комплекса выделенных скоростных железных дорог позволит сформировать современную наземную транспортную сеть, обеспечивающую потребности как внутрикорейского трансферта грузов и людей, так и обеспечить выход Транссибирской магистрали к центрам аккумуляции международных контейнерных грузов (Пусан). В то же время этот проект позволит в явном виде подключить КНДР к глобальному проекту Нового Шёлкового пути и укрепит позиции российского Дальнего Востока в контексте этого проекта [14].

Этот проект мог бы интенсивно развиваться уже сейчас, так как порт Раджин изъят из санкционного перечня резолюции СБ ООН № 2371, и с 5 августа 2017 г. действует особая схема согласования транзита угля. Однако до настоящего времени действуют односторонние санкции Республики Корея в отношении КНДР – запрет на заход судов с транзитным углём из

¹ Паромная линия имела преимущественно имиджевый характер: за все время работы линии было перевезено порядка 350 человек. Аналогичная ситуация и в сфере воздушного сообщения: 2 рейса в неделю по маршруту Владивосток – Пхеньян – Владивосток.

порта Раджин в порты Республики Корея. Попытка решить вопрос о снятии этих санкций пока не принесла успеха.

Поэтому в настоящее время ведутся только локальные работы российской стороной. В частности, весной 2018 г. на участке «мост Дружбы – Туманган – Раджин» проведены работы по выправке пути, регулировке ширины колеи по стандартам ОАО «РЖД», подготовлены водотводные сооружения к сезонному пропуску весенних и ливневых вод.

Развитие же собственно инфраструктурного проекта будет невозможно без реального подключения к нему Республики Корея, что предусматривалось с самого начала [15]. Однако Республика Корея до настоящего времени не согласовала участие в проекте.

Пока происходят только обсуждения. Возобновление трёхсторонней реализации проекта «Хасан–Раджин» обсуждалось во время визита в КНДР 13–14 июля 2018 г. делегации из Республики Корея. Была достигнута договорённость о создании стабильного трёхстороннего канала связи для обсуждения дальнейшего сотрудничества по проекту в формате «Республика Корея – Корейская Народно-Демократическая Республика – Российская Федерация».

В 2018 г. начались переговоры по организации автомобильного сообщения РФ – КНДР. Обсуждается два варианта: 1) строительство автомобильного моста; 2) реконструкция либо строительство совмещённого железнодорожно-автомобильного моста через реку Туманная. В настоящее время КНДР и КНР связывают 23 автомобильных пункта пропуска, между РФ и КНДР автомобильное сообщение отсутствует. Первым этапом станет организация сезонного понтонного мостового перехода.

Энергетика. Существующая в настоящее время в КНДР энергосистема архаична и не может быть встроена в перспективное энергокольцо СВА. Не может она и обеспечить стабильное экономическое развитие страны. Установленная мощность электростанций в КНДР оценивается в 7,5 ГВт, объём производства – 13,7 млрд кВт·ч (в 2015 г.). Для сравнения: установленная мощность ОЭС Востока (Дальний Восток России) составляет 9,5 ГВт, а ежегодный объём производства электроэнергии превышает 36 млрд кВт·ч. Основной объём производства электроэнергии в КНДР обеспечивают ГЭС (76%) с присущей им сезонностью (засушливая зима и резкое сокращение выработки). ГЭС находятся в совместной корейской и китайской собственности, расположены в приграничных с Китаем районах. Угольные ТЭС работают на местном угле, на их долю приходится 24% выработки электроэнергии. Электростанции являются устаревшими и характеризуются низкой эффективностью, требуется их реконструкция и модернизация.

Единственный в стране действующий нефтеперерабатывающий завод «Понхва» мощностью 2 млн т работает на импортной нефти и не в состоянии удовлетворить нормальные потребности в нефтепродуктах, тем более в варианте ускоренного экономического развития и повышения уровня жизни населения. Хотя в КНДР существует производство электроэнергии с помощью возобновляемых источников энергии, но доля последних в энергетическом балансе незначительна (менее 1%), так как в основном они используются точечно. Например, порядка 10% населения применяет солнечные панели небольшой мощности (50 – 200 Вт) для индивидуального использования. Единая национальная энергосистема отсутствует, а техническое состояние ЛЭП не позволяет передавать энергию на большие расстояния, что приводит к локальному потреблению в районах производства, что делает его неэффективным.

Потенциал трёхстороннего сотрудничества Россия – КНДР – Республика Корея в энергетической сфере во многом определяется взаимодополняемыми энергетическими балансами стран. С одной стороны, Россия обладает значительными запасами энергоресурсов и стремится к диверсификации направлений их экспорта. С другой стороны, Республика Корея является

одним из крупнейших потребителей и импортёров энергоресурсов в мире и, в свою очередь, стремится к диверсификации поставщиков. Участие КНДР в энергетических проектах традиционно рассматривается с точки зрения использования территории страны для транзита российских энергетических ресурсов в Республику Корея. Наиболее обсуждаемыми и проработанными проектами в рамках трёхстороннего сотрудничества являются создание межгосударственных ЛЭП «Россия – КНДР – Республика Корея» и строительство газопровода с территории Дальнего Востока России в КНДР.

Энергетические проблемы КНДР¹ могли бы быть в значительной степени облегчены при реализации проектов создания межгосударственных ЛЭП и строительства газопровода с территории Дальнего Востока России в Республику Корея через территорию КНДР.

Эти проекты обсуждаются на протяжении последних 20–30 лет на разных уровнях. Так, с конца 1990-х гг. обсуждается проект создания регионального энергообъединения стран СВА². В 2003 г. был подписан меморандум между Востокэнерго и Корейским исследовательским электротехнологическим институтом, в котором стороны выразили заинтересованность в изучении перспектив указанного энергообъединения. В данном случае межгосударственные ЛЭП «Россия – Республика Корея» являлись бы только частью планируемого энергетического объединения. В конце 2003 г. российские специалисты обсудили с коллегами из КНДР проект строительства межгосударственной ЛЭП «Владивосток – Чхонджин». До настоящего времени рассматривается несколько вариантов организации поставок российской электроэнергии в Республику Корея и КНДР: Владивосток – Чхонджин, Владивосток – Пхеньян – Сеул, Южно-Якутские ГЭС – Шэньян – Сеул. Общая протяжённость этих линий – около 4 тыс. км. По ним предполагается передавать порядка 30 млрд кВт·ч в год при суммарной стоимости линий около 15 млрд долларов.

Эти проекты предполагали поставки российской электроэнергии в КНДР в качестве международной энергетической помощи и коммерческие поставки электроэнергии в Республику Корея. Эффективность реализации проектов по объединению ОЭС Востока (Россия) и энергосистемы Республики Корея были доказаны как российскими, так и корейскими учёными.

Хотя электрический мост «Россия – КНДР – Республика Корея» выгоден для всех стран (Российский Дальний Восток в этом случае получит возможность стабильного экспорта избыточной электроэнергии, Республика Корея – стабильный и эффективный источник покрытия дефицитов энергобаланса, а КНДР сможет получить финансовые ресурсы и улучшить сбалансированность энергобаланса), для реализации проекта необходимо урегулировать вопрос с хеджированием транзитных рисков.

Обсуждение проекта газопровода «Россия – КНДР – Республика Корея» также ведётся с 1990-х гг. В 2006 г. было подписано соглашение между правительствами РФ и Республики Корея «О сотрудничестве в области газовой промышленности». В 2008 г. ОАО «Газпром» и «Корейская государственная газовая корпорация» подписали меморандум о взаимопонимании по поставкам природного газа из России в Республику Корея. В 2009 г. ОАО «Газпром» и «Корейская государственная газовая корпорация» заключили соглашение о совместном исследовании проекта поставок газа из РФ в Республику Корея. В 2010 г. во исполнение указанного соглашения был подготовлен итоговый отчёт по изучению вариантов организации поставок российского газа. Было рассмотрено несколько вариантов поставок: трубопроводные поставки

¹ Уже в настоящее время в КНДР наблюдается хронический дефицит электроэнергии. По данным Международного энергетического агентства, только 27% населения страны имеет доступ к электрической энергии (2016 г.), а душевое потребление электроэнергии составляет 15% от среднемирового значения.

² О проекте энергетического объединения в СВА см. [5; 6; 8].

(транзитом через КНДР, транзитом через Китай, морской вариант газопровода), поставки сжиженного газа и компримированного газа. Базовым был признан вариант поставок от конечной точки газотранспортной системы «Сахалин – Хабаровск – Владивосток» в Республику Корея со строительством газопровода транзитом по территории КНДР. Общая протяжённость газопровода составила бы 1,1 тыс. км, в том числе 700 км – по территории КНДР. Объём экспорта российского газа оценивался в 10–12 млрд м³ газа.

В 2011 г. работы по проекту активизировались:

- между ОАО «Газпром» и Министерством нефтяной промышленности КНДР был подписан Меморандум о взаимопонимании, в соответствии с которым стороны договорились сотрудничать для осуществления проекта поставок природного газа из России на Корейский полуостров по трубопроводу,

- между ОАО «Газпром» и «Корейской государственной газовой корпорацией» была подписана дорожная карта по осуществлению поставок природного газа из России в Республику Корея,

- с российской стороны было завершено строительство необходимой инфраструктуры для проекта и запущен первый комплекс ГТС «Сахалин – Хабаровск – Владивосток».

На сегодняшний день КНДР не является потребителем природного газа, но строительство газопровода предполагает развитие газификации страны, часть платы за транзит предусматривается в виде поставок газа и оборудования, часть – в денежной форме. Для Республики Корея реализация данного проекта позволила бы сократить расходы на покупку энергоресурсов: по оценкам специалистов, трубопроводный газ стоил бы дешевле СПГ в 1,5 раза.

Горнодобывающая промышленность

КНДР имеет большие запасы минерального сырья, которые могут быть использованы для развития трёхстороннего сотрудничества. Стоимость минеральных ресурсов КНДР (антрацит, железная руда, медь, золото, цинк, никель, молибден, магнезит, известняк, редкоземельные металлы) составляет от 2 до 6 трлн долларов [10]. При этом имеющиеся мощности в этом секторе экономики используются не более чем на 30%.

В 2016 г. стоимость продукции горнодобывающей промышленности КНДР увеличилась на 8,4% за счёт роста добычи угля и цинка¹.

Институциональная база для сотрудничества в минерально-сырьевом секторе в КНДР существует. Законодательство подразделяет потенциальные сферы для иностранных инвестиций на поощряемые, разрешённые, ограничиваемые и запрещённые сектора. Инвестиции в «поощряемые сектора», к которым относится разработка природных ресурсов, могут пользоваться преференциальными налоговыми тарифами, более выгодными условиями аренды земли и льготными банковскими кредитами. При этом по закону доля иностранного инвестора в СП по добыче полезных ископаемых не может превышать 70% [10].

Учитывая высокий уровень развития микроэлектронной промышленности в Республике Корея, а также завершение этапа экспериментальных исследований и переход к этапу промышленного внедрения технологий переработки и использования редкоземельных элементов в России [1], взаимовыгодным проектом является разработка в КНДР с последующей промышленной переработкой в России и конечным использованием в Республике Корея запасов редкоземельных элементов.

¹ <https://russian.rt.com/business/article/412482-severnaya-koreya-ekonomicheskii-rost>

Поэтому трёхстороннее сотрудничество по модели «инвестиции – технологии – ресурсы» может стать наиболее актуальным и выгодным для всех. Впрочем, такая схема приемлема не только при освоении месторождений редкоземельных элементов на территории КНДР, но и других стратегических минеральных ресурсов.

Российские предприятия, занимающиеся разработкой и использованием минерально-сырьевых ресурсов, в последние годы проводили активные консультации по подготовке ряда совместных проектов с КНДР. Их начало откладывалось по различным причинам, основными из которых являлись финансовые, информационные и политические. По меньшей мере, финансовые причины могли бы быть устранены в случае присоединения к проработке этих проектов и дальнейшего участия фирм и организаций Республики Корея. Речь, в частности, идёт о следующих проектах.

Формирование надёжной информационной базы о минеральных ресурсах КНДР. По решению Межправительственной комиссии РФ-КНДР в 2015 г. под эгидой Минвостокразвития РФ должны были быть выполнены работы по составлению каталога минерально-сырьевой базы КНДР. Непосредственным исполнителем с российской стороны предполагалось АО «Росгеология», объединяющее 63 профильных государственных предприятия, в том числе АО «Зарубежгеология»¹. В результате реализации проекта предполагается получение геологической информации о месторождениях вольфрама и молибдена на севере КНДР, поиск месторождений благородных металлов, ниобия и тантала, других видов высоколиквидных полезных ископаемых, а также выполнение геофизических поисков нефти и газа в шельфовых зонах Жёлтого и Японского морей, переоценка запасов эксплуатируемых железорудных месторождений [18].

Проект «Победа» предполагает предоставление корейской стороной доступа к разработке полезных ископаемых в уплату за модернизацию и реконструкцию железнодорожной сети КНДР. Российская сторона просила прежде всего предоставление доступа к месторождениям редкоземельных элементов со строительством горно-обогатительных комбинатов. Стоимость проекта оценивается в 25 млрд долларов [1; 12].

Международный туризм

В настоящее время имеющиеся туристические объекты КНДР используются на 90% туристами из КНР и поэтому ориентированы на последних. Ещё 2% туристического потока формируют западные страны. Туристический потенциал КНДР позволяет существенно увеличить туристический поток за счёт России (особенно регионов Дальнего Востока) и Республики Корея. Если для жителей Дальнего Востока поездки в КНДР могут стать эффективной альтернативой туристическим поездкам в Европу, на курорты Кавказа и Крыма, Турции и Египта, то для граждан Республики Корея такой туризм – важное средство узнавания Северной Кореи и составления личного информационного образа этой страны и своих соотечественников.

В КНДР есть несколько объектов, в большей или меньшей степени приспособленных для привлечения иностранных туристов (*рис. 1*).

Во-первых, это район Кымгансан (Алмазные горы) – удивительные по красоте и разнообразию ландшафты, обладающие к тому же тем редким качеством, что они признаются как южанами, так и северянами как красивейшее место в Корее. В советский период этот район был излюбленным местом отдыха дальневосточников, для которых близость расположения сочеталась с доступностью по ценам.

¹ <http://www.rosgeo.com/ru/content/o-kompanii>

Рис. 1. Туристические объекты на территории КНДР

Источник: картография выполнена В.Д. Хижняком на основании данных, предоставленных авторами.

Во-вторых, это гора Мёхянсан (в 2009 г. ЮНЕСКО признало гору в качестве биосферного заповедника мирового значения); в этом же районе расположена и постоянно действующая Международная выставка дружбы.

В-третьих, Кэсон – древняя столица Корейского государства (X–XIV вв.), дворцовый комплекс которого с 2013 г. включён в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, и комплекс гробниц Когурё, который был включён в Список всемирного наследия ЮНЕСКО в 2004 г.

В-четвёртых, бальнеологический курорт Рёнган на юго-востоке от Пхеньяна, построенный возле радонового источника, и открытый в 2014 г. горнолыжный курорт Масик, на территории которого имеются отель, вертолётная площадка, пункт проката лыжного инвентаря и канатная дорога.

Туристам также предлагаются пляжные курорты на побережье Японского моря: в специальной экономической зоне Расон (Раджин – Сонбон), Маджон (к северу от г. Вонсана), пляжи и грязелечебница озера Сиджунг.

Своеобразная «неосталинистская» атмосфера в КНДР в совокупности со специфическими объектами той эпохи (объекты, связанные с деятельностью Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, антияпонской революционной борьбой, боевыми действиями во время войны 1950–1953 гг.) имеют особую привлекательность как для российских, так и для южнокорейских туристов.

Организация туризма в КНДР архаична. Приёмом и обслуживанием туристов из-за границы занимается Общество по иностранному туризму Кореи под контролем Государственного главного управления по туризму – члена Всемирной туристической организации (UNWTO) и Азиатского туристического агентства (PATA). Для всех иностранцев, за исключением граждан Китая, посещение КНДР возможно только через туристические агентства, аккредитованные в Северной Корее. Практически весь западный туризм сегодня монополизирован двумя компаниями – Koryo Tours и Young Pioneers Tours, которые базируются в Пекине. Первое туристическое агенство (NKorean) в РФ было открыто только в августе 2017 г. При этом приезд южнокорейских туристов без специальных разрешений возможен только в район «Алмазные горы».

Учитывая особый интерес российских туристов с Дальнего Востока и граждан Южной Кореи, целесообразно реализовать трёхстороннюю программу развития туризма в КНДР, включающую:

- модернизацию управления туристическим комплексом, в том числе и расширение сети туристических агентств в РФ (для начала – в Хабаровском крае и на Сахалине, далее – в Москве и Санкт-Петербурге), в Республике Корея, Японии, Узбекистане и Казахстане, где проживают большие контингенты корейцев;
- расширение ассортимента туристических продуктов (экологический, историко-культурный, а также событийный виды туристических услуг);
- организацию морских круизов (например, по маршруту Владивосток – Раджин – Вонсан – Пусан – Чёджу – Далянь);
- развитие в КНДР индустрии сувениров и развлечений;
- модернизацию сети отелей, кемпингов;
- развитие автодорожной сети в туристических районах.

Специальные зоны развития

Зоны развития в КНДР. В ноябре 2013 г. в КНДР было объявлено о выделении 13 территорий в 8 провинциях для ускоренного развития с участием иностранных инвесторов (ТУР). В частности, планируется развитие экономических зон в Чхонджине, Амнокане, Манпхо и Хесане, промышленных зон в Хыннаме, Хёндоне и Вивоне, туристических зон на о. Онсон и в Синпхене, экспортных производственных зон в Сонриме и Ваудо, сельскохозяйственных зон в Ороне и Пукчхоне. Многие из них занимают небольшую территорию (от 2 до 4 кв. км) и расположены в разных частях страны: 5 – на границе с Китаем, 3 – на западном побережье, оставшиеся 5 – на восточном.

В июне 2014 г. было также объявлено о создании специальной туристической зоны в Вонсане, план развития которой рассматривал её как часть единого туристического района Вонсан – Кымгансан. В июле 2014 г. также было объявлено о создании ещё 6 зон экономического развития: в некоторых районах Пхеньяна, провинции Южная Хванхе, г. Нампхо, провинциях Северная и Южная Пхенан. Кроме того, зона в Синийджу (главный торговый город КНДР на границе с Китаем) была переименована в Международную экономическую зону Синийджу¹.

Знаменательно, что на российском Дальнем Востоке с 2015 г. усиленно продвигается политика по организации аналогичных зон развития, которые имеют даже сходное название – территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР)². Дальневосточные зоны опережающего развития изначально также были ориентированы на иностранных инвесторов, хотя к настоящему времени акценты существенно изменились³.

Различие заключается в том, что дальневосточные ТОСЭР – приманка для практически любых инвесторов, которые имеют большое количество вариантов для выбора, а северокорейские ТУР в современных условиях реально могут рассчитывать лишь на привлечение китайских инвесторов. В этом заключается идея трёхстороннего проекта – целенаправленно стимулировать российские и южнокорейские инвестиции в этих зонах.

Пилотным проектом в этом отношении мог бы стать проект восстановления закрытого в феврале 2016 г. Кэсонского промышленного комплекса (КПК), созданного для двустороннего (КНДР – Республика Корея) торгово-инвестиционного сотрудничества, который функционировал с 2010 г. как фактически единственный канал межкорейского экономического взаимодействия. Республика Корея предоставляла капитал и технологии, КНДР – рабочую силу и землю. В КПК в основном производились текстильные изделия, электротовары и оборудование. 90% произведённой продукции вывозилось в Республику Корея и потреблялось там. Остальные 10% экспортировались в третьи страны, среди которых были Китай, Россия, государства Ближнего Востока и Европы.

В настоящее время планируется провести переговоры по восстановлению работы КПК, железнодорожного и автомобильного сообщения между КНДР и Республикой Корея и по сотрудничеству в области лесного хозяйства. Возможно подключение к этому проекту российских компаний, как промышленных, так и транспортных.

Зоны развития на российском Дальнем Востоке. Учитывая чрезвычайно высокую заинтересованность российского правительства в успехе проектов ТОСЭР и «Свободный порт Владивосток» на Дальнем Востоке России, возможным и плодотворным было бы совместное участие КНДР и Республики Корея в организации инвестиционных проектов на этих территориях. Возможно, полезно было бы учреждение двусторонних (КНДР – Республика Корея) или трёхсторонних (КНДР – Республика Корея – РФ) предприятий для реализации этих проектов. При этом КНДР могла бы участвовать предоставлением рабочей силы, а часть продукции, производимой на этих предприятиях, поставлялась бы в КНДР и Республику Корея.

Организация трёхсторонних проектов сотрудничества на территории российского Дальнего Востока может опираться на ряд позитивных факторов.

Во-первых, наличие множества зон ускоренного развития с развитым преференциаль-

¹ Подробнее о специальных зонах развития см. в [9].

² К настоящему времени существует достаточно обширная литература, посвящённая проблемам создания ТОСЭР (или ТОР) на Дальнем Востоке. См., например: [4; 13; 22].

³ И связано это с тем, что «...ажиотажа японских, китайских и южнокорейских инвесторов в дальневосточных ТОРах пока не наблюдается» [19, с. 61].

ным режимом в области налогового и административного права, в которых могут размещаться совместные предприятия.

Во-вторых, возможность формирования новых подобных зон на территориях, имеющих благоприятные ресурсные и инфраструктурные условия для размещения совместных предприятий, ориентированных на производство продукции и услуг, пользующихся спросом на корейских рынках.

В-третьих, дефицитность трудовых ресурсов на Дальнем Востоке в ряде отраслей и на многих территориях, которая может способствовать использованию северокорейской рабочей силы.

В-четвёртых, особая заинтересованность российского руководства и дальневосточных губернаторов в привлечении в макрорегион иностранных инвесторов, готовность учитывать их особые условия, сопровождающие размещение на Дальнем Востоке.

Вместе с тем существуют и негативные факторы, которые могут препятствовать осуществлению трёхстороннего сотрудничества на территории Дальнего Востока.

Во-первых, узкий рынок как самого Дальнего Востока, так и КНДР делает безальтернативной ориентацию потенциальных трёхсторонних проектов на рынки Республики Корея (или рынки других стран транзитом через южнокорейские фирмы), что существенно сокращает возможный ассортимент товаров и услуг, которые могут быть предметом трёхстороннего сотрудничества.

Во-вторых, вялость экономической конъюнктуры в России и на её Дальнем Востоке, вероятно, приведёт к тому, что российский бизнес будет рассматривать сотрудничество с «двумя Кореями» как помеху для извлечения и без того ограниченной прибыли.

В-третьих, российский Дальний Восток даже в сырьевых отраслях нуждается во внедрении технологически совершенных схем менеджмента и производства, однако уровень квалификации северокорейской рабочей силы, скорее всего, станет препятствием на пути внедрения подобных инноваций.

Заключение

С учётом вышеизложенного представляется, что наиболее перспективными для развития проектов трёхстороннего сотрудничества на территории российского Дальнего Востока являются следующие виды экономической деятельности, в которых возможно формирование межрегиональных цепочек добавленной стоимости:

Лесоразведение, лесозаготовки, механическая и химическая переработка древесины;

Добыча рыбы и морепродуктов, развитие марикультуры и рыбозаводства, переработка рыбы и морепродуктов, производство консервов, пресервов, рыбной кулинарии;

Выращивание овощей и риса, производство овощных консервов, продуктов переработки сои и риса, производство мяса свиней и птицы с переработкой;

Строительство инфраструктурных, жилых и социальных объектов, производство строительных материалов и конструкций.

Список литературы

1. Алексеева Н. Элементы высоких технологий: как мировые державы борются за рынок редкоземельных металлов. URL: <https://russian.rt.com/world/article/488763-redkozemelnye-metally-dobycha-rossiya-ssha-kitay> (дата обращения: 04.07.2018).

2. Бакланов П.Я., Каракин В.П., Романов М.Т., Ермошин В.В. Неиспользованные возможности транспортного потенциала Приморья для выхода прилегающих регионов СВА к Тихоокеанскому побережью РФ // Вестник транспорта. 2017. № 11. С. 8–11.
3. Батырь В.А. Российско-северокорейский проект «Хасан-Раджин» в системе международных экономических ограничений (неприступный российско-китайский бастион в КНДР) // LEX RUSSICA. 2018. № 4. С. 53–69.
4. Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. Территории опережающего развития: падение или иллюзия? // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2015. № 2. С. 72–84.
5. Воропай Н.И., Подковальников С.В., Савельев В.А., Чудинова Л.Ю. Международная кооперация для формирования межгосударственного энергообъединения в Северо-Восточной Азии и роль восточных регионов России // Пространственные исследования на Дальнем Востоке России: проблемы, результаты, перспективы: материалы международной научно-практической конференции (5 декабря 2017 г., Хабаровск): сб. ст. / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2018. С. 17–27.
6. Восточный вектор энергетической стратегии России: современное состояние взгляд в будущее / Под ред. Н.И. Воропая, Б.Г. Санеева. Новосибирск: Гео, 2011. 368 с.
7. Глава Минвостокразвития предложил КНДР упростить визовый режим для россиян. URL: <http://www.interfax.ru/russia/604704> (дата обращения: 27.07.2018).
8. Дёмина О.В. Перспективы развития экспорта российской электроэнергии в страны СВА // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 3. С. 59–67. DOI: 10.14530/reg.2018.3.59
9. Захарова Л.В. Зоны экономического развития КНДР: статус и перспективы // Корейский полуостров в эпоху перемен. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 238–248.
10. Захарова Л.В. К вопросу об иностранных инвестициях в КНДР. URL: <http://onekorea.ru/2013/04/27/rossijskie-investicii-v-severnoj-koree/> (дата обращения: 04.07.2018).
11. Захарова Л.В. Межкорейские экономические связи после «санкций от 24 мая 2010 г.» // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3. С. 101–111.
12. Захарова Л.В. Экономические отношения России и КНДР в XXI в. // Азия и Африка сегодня. 2015. № 5. С. 15–21.
13. Исаев А. Территории опережающего развития: новый инструмент региональной экономической политики // ЭКО. 2017. № 4. С. 61–77. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2017-4-61-77
14. Кирьянов О.В. Россия-КНДР: проект «Хасан-Раджин» // Азия и Африка сегодня. 2015. № 6. С. 65–68.
15. Кирьянов О.В. Экономические и политические аспекты российско-северокорейского проекта «Хасан-Раджин» // Корея: 70 лет после освобождения. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 386–398.
16. Кукла М.П. Реалии и перспективы экономического сотрудничества России и КНДР // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 2. С. 61–71.
17. Латышева А. Вопросы трудовых мигрантов из КНДР обсудят в апреле в Москве. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/14153/> (дата обращения: 29.06.2018).
18. МПК Россия – КНДР: Главный принцип – равноправие отношений и реализация экономически оправданных проектов. URL: <http://minvr.ru:443/press-center/news/1454/> (дата обращения: 04.07.2018).
19. Региональные аспекты долгосрочной экономической политики: научный доклад. М.: Международные отношения. 2018. 69 с.
20. РФ и КНДР подписали протокол сотрудничества в сфере образования, науки и транспорта. URL: <http://copdoc.ru/news/3126.html> (дата обращения: 27.07.2018).
21. «Транстелеком» подключил КНДР к интернету. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3427707> (дата обращения: 25.07.2018).

22. Швецов А.Н. «Точки роста» или «черные дыры»? (К вопросу об эффективности применения «зональных» инструментов госстимулирования экономической динамики территорий) // Российский экономический журнал. 2016. № 3. С. 40–61.

References

1. Alekseeva N. *Elements of High Technologies: As World Powers Fight for the Market of Rare-Earth Metals*. Available at: <https://russian.rt.com/world/article/488763-redkozemelnye-metally-dobycha-rossiya-ssha-kitay> (accessed 4 July 2018). (In Russian)
2. Baklanov P.Ya., Karakin V. P., Romanov M.T., Yermoshin V.V. Unused Opportunities of Primorye Transport Capacity for Exit of Adjacent NEA Regions to the Pacific Coast of the Russian Federation. *Vestnik transporta* [Transportation Herald]. 2017. No. 11. Pp. 8–11. (In Russian)
3. Batyr V.A. The Russian-North Korean «Hassan-Radzhin» Project in the System of International Economic Restrictions (An Unapproachable Russian-Chinese Bastion in the DPRK). *LEX RUSSICA*. 2018. No. 4. Pp. 53–69. (In Russian)
4. Bukhvald E.M., Valentik O.N. The Territories of Advanced Development: Breakthrough or Illusion? *ETAP: Ekonomicheskaya Teoriya, Analiz, Praktika* [ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice]. 2015. No. 2. Pp. 72–84. (In Russian)
5. Voropaj N.I., Podkovalnikov S.V., Savelev V.A., Chudinova L.Yu. International Cooperation for the Formation of Electric Power Grid Interconnections in Northeast Asia and the Role of Russia's Eastern Regions. In: *Spatial Researches on the Far East of Russia: Problems, Results, Prospects: Materials of the International Scientific Conference (December 5, 2017, Khabarovsk)*. Ed. by P.A. Minakir. Khabarovsk, 2018. Pp. 17–27. (In Russian)
6. *The Eastern Vector of Russia's Energy Strategy: State of the Art and Prospects*. Ed. by N.I. Voropaj, B.G. Saneev. Novosibirsk, 2011. 368 p. (in Russian)
7. *The Head of the Ministry of Development and Development Suggested the DPRK to Simplify the Visa Regime for Russians*. Available at: <http://www.interfax.ru/russia/604704> (accessed 27 July 2018). (In Russian)
8. Dyomina O.V. Prospects for the Development of Russian Electricity Exports to NEA Countries. *Regionalistika* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 3. Pp. 59–67. DOI: 10.14530/reg.2018.3.59 (In Russian)
9. Zakharova L.V. Economic Development Zones in the DPRK: Status and Prospects. In: *Korean Peninsula in an Era of Change*. Moscow, 2016. Pp. 238–248. (In Russian)
10. Zakharova L.V. *On the Issue of Foreign Investment in the DPRK*. Available at: <http://onekorea.ru/2013/04/27/rossijskie-investicii-v-severnoj-koree/> (accessed 4 July 2018). (In Russian)
11. Zakharova L.V. Inter-Korean Economic Ties after the «Sanctions of May 24, 2010». *Problemy Dalnego Vostoka* [The Far Eastern Affairs]. 2016. No. 3. Pp. 101–111. (In Russian)
12. Zakharova L.V. Russia and North Korea's Economic Relations in the XXI Century. *Asiya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today]. 2015. No. 5. Pp. 15–21. (In Russian)
13. Isaev A.G. The Territories of Accelerated Development: New Instrument of Regional Economic Policy. *EKO* [ECO]. 2017. No. 4. Pp. 61–77. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2017-4-61-77 (In Russian)
14. Kiryanov O.V. Russia – DPRK: «Hassan–Rajin» Project. *Asiya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today]. 2015. No. 6. Pp. 65–68. (In Russian)
15. Kiryanov O.V. Economic and Political Aspects of the Russian-North Korean Project «Hassan–Rajin». In: *Korea: 70 Years after Liberation*. Moscow, 2015. Pp. 386–398. (In Russian)
16. Kukla M.P. Realities and Prospects of the Russia-North Korea Economic Relations. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Ojkumena. Regional Researches]. 2017. No. 2. Pp. 61–71. (In Russian)

17. Latysheva A. *Questions of Labor Migrants from the DPRK Will Be Discussed in April in Moscow*. Available at: <https://minvr.ru/press-center/news/14153/> (accessed 29 June 2018). (In Russian)
18. *MPK Russia – DPRK: The Main Principle – Equality of the Relations and Implementation of Economically Justified Projects*. Available at: <https://minvr.ru:443/press-center/news/1454/> (accessed 4 July 2018). (In Russian)
19. *Regional Aspects of Long-Term Economic Policy: A Scientific Report*. Moscow, 2018. 69 p. (In Russian)
20. *Russia and the DPRK Have Signed a Cooperation Protocol in the Field of Education, Science and Transport*. Available at: <http://copdoc.ru/news/3126.html> (accessed 27 July 2018). (In Russian)
21. *Transtelecom Connects the DPRK to the Internet*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3427707> (accessed 25 July 2018). (In Russian)
22. Shvetsov A.N. «Growth Points» or «Black Holes»? (To the Question of the Effectiveness of the Use of «Zonal» Tools of State Stimulation of the Economic Dynamics of Territories). *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal]. 2016. No. 3. Pp. 40–61. (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Бардаль А.Б., Демьяненко А.Н., Дёмина О.В., Дёмина Я.В., Ломакина Н.В., Минакир П.А. К вопросу о трёхстороннем экономическом сотрудничестве Республики Корея, КНДР и России // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 6. С. 18–36. DOI: [10.14530/reg.2018.6.18](https://doi.org/10.14530/reg.2018.6.18)

For citing:

Bardal A.B., Demyanenko A.N., Dyomina O.V., Dyomina Y.V., Lomakina N.V., Minakir P.A. About the Trilateral Economic Cooperation of Republic of Korea, DPRK, and Russia. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 6. Pp. 18–36. DOI: [10.14530/reg.2018.6.18](https://doi.org/10.14530/reg.2018.6.18) (In Russian)